

Космонавтика и астроархеология

История протонаук и звёздных религий в древних культурах Сибири*

Начало начал

Около 45 000 лет назад малочисленные группы первых Homo sapiens Азии приступили к освоению крайнего севера континента, Сибири. Судьба предоставила им честь завершить самый, пожалуй, амбициозный в истории человечества проект первоначального освоения Восточного полушария Земли. И «первые сибиряки» выполнили его достойно, прямо-таки в стиле своих отдалённых потомков, русских землепроходцев XVI—XVII веков — отчаянно дерзко, на удивление стремительно, с широким захватом всей территории северо-востока Евразии от Алтая и Урала на западе до Приамурья, Камчатки и Чукотки на востоке.

Что, однако, влекло предка библейского «времени оного» на «край света», в тундровую пустыню Приполярья, в скованную холодом и заваленную снегом «Гиперборею», как три тысячелетия назад с ужасом называли эти земли теплолюбивые греки Средиземноморья?

Вопрос риторический из категории тех, ответ археологов на который останется, возможно, навсегда неоднозначным. Но каким бы он ни был, не стоит из перечня возможных вариантов исключать менее всего ожидаемый ими: упрямо двигало на север не только само собой разумеющееся, вроде забот повседневной обыденности — добычи пропитания и обеспечения выживания в условиях природных жестокостей ледниковой эпохи. Увлекало в большей степени совсем иное, чем то, что приходит на ум прежде всего — жгучее любопытство надёленного разумом существа, страстное желание познать загадочные в непонятности явления Природы во всех её проявлениях, от красот пейзажно-многоликой Земли до чудес Неба, роскошно расцвеченного мириадами светил. Да не просто познать, а закрепить познанное в памяти и суметь передать потомкам не подлежащие забвению ни при каких обстоятельствах — порядок устройства Мира и самого сущностного в бытии его.

Мудрые патриархи

Эти тревоги первопретка были настолько сильны и значимы, что нашли иносказательное отражение на страницах Ветхого Завета, книги книг мыслителей и духовных наставников народа «Земли обетованной». Когда на седьмой день существования Вселенной, в воскресенье, Бог-Творец предался отдыху, то с удовлетворением размышляя о чудностях числовых и геометрических гармоний Мироздания, он озабоченно желанием приоткрыть будущим обитателям Земли тайны совершенства своего «изделия». Иначе ведь у них не возникнут чувства восхищения и вольные, без принуждений, желания поклоняться ему, славить в храмах несравненные мудрость его и всеисилие.

Поскольку для восприятия сложных математических премудростей устройства Мира требовалось время, далеко превосходящее продолжительность жизни человека, Господу пришлось позволить (в порядке исключения) прожить особо сообразительным ни много ни мало целых шесть веков. Столько, согласно замыслу Творца, требовалось времени, чтобы светила, перемещения которых в Небе отражали законы течения его, вернулись в исходную точку начала Вселенной.

Избранные Богом старцы оказались на должной высоте: всё нужное поняли, отчего и заслужили честь именоваться впрямь почтительно: «Мудрые патриархи».

Скрижали Завета

Рассказ о том, что удалось уяснить первым служителям Создателя, сохранила ещё одна ветхозаветная притча, изложенная античным историком Иосифом Флавием. Когда третий сын сотворённого Богом первочеловека Адама — Сиф, острый умом, трудолюбивый и настойчивый в приобретении знаний о Мире, узнал от отца о приближении вселенской катастрофы, потопа, и предстоящей гибели погрязших в грехах людей, он более всего ужаснулся мысли об угрозе утраты знаний по астрономии, арифметике и геометрии, накопленных «найденными науками».

Прозорливый наблюдатель Неба нашёл выход — соорудил две колонны, одну из кирпича, а другую из камня, и вырезал на поверхности каждой самые бесценные в умственном наследии «Заветы» — законы движения светил, время их круговоротов. Расчёт Сифа был прост: если потоки воды разрушат кирпичную колонну, то от стихии устоит «колонна каменная», по терминологии со-

временных археологов — менгир, а по библейской — скрижаль.

Иосиф Флавий уверял в своём сочинении, что в его время обе колонны всё ещё стояли в горах Сирии. Они продолжали хранить познанное мудрыми патриархами и Сифом, будто ожидая повторения вселенского бедствия — очередных божьих кар то ли водой, то ли огнём. Историк-бытописатель более чем кто-либо из современников своих знал, что люди из-за неистребимой склонности к греховности, гордыне и стяжательству продолжают испытывать терпение Творца.

Предтечи астронавтов

Когда смотришь кинохронику или телевизионные репортажи о каторжных испытаниях тела и духа претендентов на полёт в Космос, о тревожных минутах разгона ракеты к орбите и ухода с неё капсулы корабля, объёмой ослепительными сполохами плазменного огня, то трудно вообразить, что у кого-то из космонавтов найдётся время или желание поразмышлять об «астронавтах» первобытности. О тех, кто с эпохи древнекаменного века покорял Космос единственно возможным тогда способом — используя в качестве инструмента изучения пытливые глаза и мыслящий мозг. О предтечах нынешних служителей космонавтики, кто тысячелетия назад начал с изумлением вглядываться в Небо, делать первые шаги в познании круговоротов Луны и Солнца, прокладывая робкий первоупутко современным теориям космогонии и космологии Мироздания.

Теперь со смущением признаюсь, что легкомысленно ошибался, полагая, что едва ли кто из космонавтов когда-нибудь сподобится задуматься о предках-предтечах. Не знаю, как в среде зарубежных исполнителей полётов за пределы Земли, но, как и следовало ожидать, у русских такой нашёлся. Когда организаторы очередной новосибирской конференции по астрономии и приборам наблюдения Неба «СибАстро» пригласили выступить с докладом Георгия Михайловича Гречко, то не только с лёгкостью заполучили согласие, но и были озадачены неожиданными вопросами:

— А в Сибири есть менгиры? В самом деле, есть?! А нельзя ли составить разговор о них с кем-то из археологов?

«Книги верований»

Гость Академгородка был нарасхват, и потому беседа в Институте археологии и этнографии строго ограничивалась получасом. Однако она затянулась более чем на три часа, отчего безнадежно пострадали знатоки тунгусского метеорита, которые горели желанием обменяться с космонавтом соображениями о драматической посадке в сибирской тайге летающей тарелки инопланетян.

Разговор начался сразу же у входа в вестибюль института, около тяжеловесной плиты с выбитыми на её поверхности рядами изящно выполненных изображений рогатых быков и оленей. Толкования таких фигур знаками первобытного искусства разнятся. Они ограничиваются обычно пересказами собранных этнографами сведений о животных, которые воспринимаются маргинальными (отставшими в развитии, «нецивилизованными») народами в качестве тотемов, зооморфных прародителей родов и племён.

Рисунки, выбитые или вырезанные на гранях каменных стел, массивных столпов-менгиров и на плоскостях скальных храмов, принято интерпретировать объектами колдовских или магических действий, направленных на содействие удачам в охоте, на побуждение плодотворности у людей и скота, на выражение почтения богам звериного облича ради получения от них благодати и защиты от зла.

Но на листах этих «каменных плит» оказались «записанными» не только «заветы» языческих религий многотысячелетней давности, но и протонаучного характера ценности — уникальная информация об астрономических знаниях и системах счисления времени по Луне и Солнцу. Ещё во второй половине позапрошлого века выдающийся сибирский этнограф, географ, путешественник и общественный деятель Г.Н. Потанин открыл на западе Монголии «оленные камни» — менгиры, на гранях которых размещались вертикальные ряды оленей с ветвистыми рогами. Распластанные тела их размещались под характерным углом, в летучем галопе, устремлённым в сторону Неба. Косая ориентация фигур навела Г.Н. Потанина на «астрономическую идею» — символическом отражении животных трёх косо ориентированных звёзд Пояса созвездия Орион, героя сказаний античных греков и астрально-мифологических повествований коренных народов Сибири — хантов, манси, алтайцев и якутов...

— Оригинальный аргумент, но всё же, извините, слабый. А нет ли в изображении на менгире чего-то такого, что можно было, допустим, измерить, вычислить, сосчитать, если уж речь зашла об астрономии?

Резонное для доктора физико-математических наук соображение, не очень-то удобное для гуманитария. Оно требовало прямого ответа. Пришлось поэтому признать, что никто из археологов XX века не удосужился, к примеру, замерить угол наклона трёх звёзд Пояса Ориона и сравнить его (для подтверждения мысли Г.Н. Потанина) с углом косо ориентации оленей ни на одном из «оленных камней», в изобилии открытых теперь не только в Монголии, а и в Горном Алтае, Забайкалье и Сибире. Не замерили, видимо, потому, что посчитали гипотезу его абсурдной — какая, в самом деле, может быть астрономия у древних кочевников Сибири и Монголии?

Между тем, изучение астроархеологами числовых составляющих композиций с оленями на стелах и менгирах Сибири засвидетельствовало возможность восприятия их «записями» продолжительности лунного месяца в сутках, числа месяцев и суток в лунно-солнечных годах, охватывающих 8, 19 и даже 56 лет. Ну, чем вам это не аналог «записей» Сифа на библейской колонне, т.е. «Скрижалей Завета»? Ведь цель того и другого была одна — сохранить для потомков особо ценные знания по астрономии и системам счисления времени.

— Да что вы. Если так, то, выходит, Сибирь и Монголия были регионом осведомлённости в астрономии, какими объявляются Греция, Вавилон или Китай? Дерзкая гипотеза... Похоще потанинской...

Дерзкая, но о том стоило поговорить особо и не в вестибюле, на ходу, а основательно, в лаборатории, где хранятся иные документы.

Древность их исчисляется не веками, а тысячелетиями...

Сибирские атланты

Видимо, такая перспектива показала Георгию Михайловичу настолько соблазнительной, что он запомнил о Тунгусском метеорите и космических «тарелочниках» Новосибирска. Разговор продолжился с обсуждения забытого всеми сюжета: автор многотомной «Истории астрономии» Жан-Сильвен Балль, ученик выдающегося математика А.К. Клеро и друг блестящего космолога XVIII века П.С. Лапласа, удревил (вопреки мнению самого И. Ньютона, учёного знатока Библии) время зарождения астрономии почти на 4 тысячи лет, т.е. сместив его за пределы начала сотворения Мира!

Но это куда бы ещё ни шло. Он, дискутируя с выдающимся математиком Франсуа Ж.Б.Ж. Деламбром, автором «Астрономической библиографии» Ж.Ж. Лаландом и даже с Вольтером, утверждал: «исчезнувшую Атлантиду», а с нею и «родину астрономии» нужно искать не в Средиземноморье, а на восточной окраине «Внутренней Азии», за Алтаем и Саянами, в Забайкалье, где-то около нынешнего Селенгинска, в зоне 49—50° северной широты. Здесь в глубокой древности обитал «народ атлантов», который «долго упражнялся в астрономии и приобрёл в сей науке обширные знания». Но «завоевания, а также другие трагические перемены поколебали эту часть Севера», а накопленный опыт оказался «погребённым в земле, и только малые остатки его рассеялись по разным странам Азии и Европы». Ж.С. Балль положил в основу своих рассуждений миф Диодора Сицилийского и Плиния старшего о правителе «страны атлантов» Уране и его детях, «первыми познавшими тайны Неба и астрологии».

— Курьёзная гипотеза. Когда отправляясь в Сибирь, не предполагал, что лечу на родину астрономии...

Теперь, для XXI века, курьёзная. Но не курьёзно ли, что, возможно, «погребённый в земле опыт атлантов в астрономии» как раз и посчастливилось обнаружить в Прибайкалье М.М. Герасимову в конце 20-х — начале 30-х годов при раскопках Мальты, святилища древнекаменного века, а в начале 70-х удалось найти и мне при раскопках стоянки в окрестностях города Ачинска? Время предметов «опыта», объектов искусства малых форм, «украшенных» многими сотнями знаков, было из разряда «мифического» — около 20 000 лет до рождения Христа!

С этой шутилой ноты разговор принял вовсе нешутливый оборот. Георгию Михайловичу была предоставлена возможность того, что он пожелал делать археологам, когда они вознамериваются отыскивать доказательства «астрономичности» своих документов — измерять и считать. Предметы, достойные осмотра побывавшему в космосе, были выложены на стол.

Из них наибольшее внимание космонавта привлекли два «изделия искусства»: из Мальты — пластина из бивня мамонта, спиральные узоры на которой были «выписаны» 486-ю округлыми лунками, а с Ачинской стоянки — скульптурная фигура, которую снизу доверху опоясывали две спирали, составленные из 1065 разной конфигурации знаков.

Времени самому «измерять и считать» у гостя, конечно же, не было. Поэтому ему пришлось довериться мысли, что гуманитарии, пожалуй, не только умеют подсчитывать знаки, измерять объекты искусства, но и делать достоверные астрономические выводы. Выходило так, что знаки в спиральных узорах мальтинской пластины позволяли отсчитывать дни лунного и солнечного годов, а знаки спиралей Ачинской скульптуры — дни лунного трёхлетия. И совсем уже убийственный факт — поясик на теле скульптуры разделял её по золотому сечению!

Беседа завершилась обменом короткими репликами:

— А математики и астрономы смотрели?

— На высшем уровне точных знаний, в кабинете академика Сергея Львовича Соболева, директора Института математики, и на кафедре астрономии Сибирской геодезической академии.

— И что?

— Спросили — не ошибаемся ли в датировке...

В.Е. Ларичев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора теоретической археологии и информатики ИАЭТ СО РАН

На снимке В.Н. Кавелина:

— Г.М. Гречко — гость Института археологии и этнографии СО РАН. Справа — В.Е. Ларичев.

* Продолжение. Начало см. «Наука в Сибири», 8 декабря 2011 г., № 48.